

Пропповский центр

Гуманитарные исследования в области традиционной культуры

ЯЗЫКИ СТРАХА: ЖЕНСКИЕ И МУЖСКИЕ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ

Санкт-Петербург
2004

Сборник Языки страха. Женские и мужские стратегии поведения

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711199

ISBN 5-288-03433-8

Аннотация

С раннего детства нас окружают страхи: они во сне, они наяву, – в страшных сказках, быличках, мультфильмах... Баба Яга, Бармалей и Бабай, чужой дядька, компьютерный вирус, сглаз и порча, потеря любви, смерть и пустота... Нас воспитывают на страхах, а их преодоление становится одним из условий взросления. Статьи, собранные в этой книге рассматривают не только наши повседневные страхи, но и, например, обращаются ко временам Сервантеса и к японским женским мемуарам.

Содержание

От редакторов	4
А. В. Абалакина, О. М. Гуторова	9
С.Б. Адоньева	18
А. М. Арьева	26
Л. Г. Битов Дежа вю[5]	35
1	37
2	38
3	40
4	41
5	42
6	44
7	45
8	48
А. О. Большев	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Сборник
Языки страха. Женские
и мужские стратегии
поведения. Статьи и
материалы международной
научно-практической
конференции 3–
5 октября 2003 г**

От редакторов

Страх является одной из формант человеческого сознания, определяющей психологическую, культурную и социальную атмосферу его бытия. В исторических ситуациях, предрасполагающих к резким изменениям этой атмосферы, страх начинает играть роль фактора, движущего поведением людей в конкретных, личных обстоятельствах, страх стимулирует процессы, влияющие на развитие социальных и по-

литических координат, в которых во все времена вынуждено существовать человеческое сообщество.

Настоящее время обусловило необходимость анализа такого типа процессов, поскольку временные координаты (начало нового тысячелетия) и пространственное положение России (пограничное расположение между Западом и Востоком) принуждают ее к участию в проблемных, “горячих”, хронотопически и исторически значимых конфликтах.

Приватный национальный интерес, впрочем, зависит от ситуации, которая сложилась в мире в целом. После событий начала XXI века каждый житель планеты оказался под неожиданной угрозой “терроризма” и “контртеррористических акций” – в позиции существа, ожидающего угрозы “здесь и сейчас”, без особого понимания природы и причины своих страхов.

Однако никакой геополитический “сюжет” не может объяснить или оправдать резкое сгущение атмосферы страха и эсхатологического ожидания, которые в сегодняшний момент формируют человеческую экологическую, социальную и психологическую парадигму. Страх, возникший на фоне ожидаемых позитивных сдвигов в истории, тем более значим, чем объемней иллюзии, порождающие надежды на его уничтожение.

Вместе с тем человечество не впервые находится в обстоятельствах такого рода и, по этой причине, выработало некоторые поведенческие тактики и культурные стратегии, поз-

воляющие защитить гуманитарные ценности и психологические приоритеты, направленные на сохранение безопасности людского коллектива и природного благополучия.

Особое значение, в этом смысле, имеют традиционные культурные ценности, запечатленные в так называемой народной культурной практике, которая передает опыт “работы” со страхами из поколения в поколение. Эти текстовые и поведенческие модели имеют коллективную природу, они реализованы в фольклорной культуре многих народов и влияют на создание литературных произведений, и шире – на существование произведений искусства в целом.

Литература и живопись, музыка и кинематограф, реклама и газетно-журнальная практика “строят” поведенческий рисунок человеческого отношения к страху, определяют его процентное отношение и его субстанциальный статус в каждый момент социокультурного бытия человечества и вследствие этого имеют свою историю вопроса. Эта история уходит в глубины веков, как и история борьбы со страхами через создание текстов особого рода, имеющих сакральную или конвенциональную направленность.

Интерес к такого рода практикам и прецедентам закономерен в силу того, что сама акция, презентующая сюжет “преодоления страха” через культурные практики, фольклорную и литературную традицию, имеет перформативный смысл (то есть смысл преобразования имеющегося внутри каждого участника конференции личного психологического

и идеологического опыта отношения к страхам). Дети, женщины, мужчины вырабатывают в течение веков свои стратегические позиции в этих вопросах. Узнать об их существовании представляется необходимым для исследователей смежных областей гуманитарного знания и просто людей, обеспокоенных своей позицией в мире.

Вопросы, которые мы предлагали к рассмотрению, имеют также специальную “гендерную” направленность, поскольку организаторы конференции работают в составе гендерных программ и продолжают практику рассмотрения социальных и культурных процессов с гендерных позиций, что, в частности, было реализовано на конференции “Язык – гендер – традиция”, состоявшейся в апреле 2002 года на филологическом факультете СПб ГУ.

Докладчиками и участниками конференции стали представители различных возрастных групп (от студентов и аспирантов до известных деятелей науки и культуры, имеющих значительный психологический и творческий опыт). Круг участников конференции достаточно широк по сфере своих научных и профессиональных интересов. В ней приняли участие филологи, философы, психологи, социологи, школьные учителя и вузовские преподаватели, кинематографисты и писатели, врачи и искусствоведы, политологи и представители общественных организаций, которых интересует обсуждение предъявленных проблем. Мы были принципиально заинтересованы именно в междисциплинарном рассмот-

рении вопросов, поскольку в настоящее время рождается не только новая конфигурация политических и социальных сил, но и новая научная парадигма, имеющая синкретический характер.

Конференция проходила в течение 3 дней. Кроме индивидуальных докладов были проведены круглые столы (“Дети, женщины, мужчины – винтики одной машины”, “Опыт страха: правила и прецеденты” и “Социокультурные формулы страха”), что позволило участникам конференции обсудить высказанные положения в рамках свободной дискуссии. Из трех круглых столов один был посвящен проблемам преодоления страха в языке, фольклоре и литературе, другой – психологическим аспектам страхов, предъявленных разными этническими традициями, третий – социальным и половозрастным аспектам страхов и способам борьбы с ними.

“Дети, женщины, мужчины – винтики одной машины. Все живем мы на земле, варимся в одном котле. Хорошо, хорошо, это – очень хорошо!”

Курт Воннегут

А. В. Абалакина, О. М. Гуторова

Страшилки новых русских детей

В детстве нас всех чем-то пугали и взрослые, и сверстники. Страшилки эти были разного рода, и пугали нас с разной целью. Например, пугали, чтобы заставить слушаться взрослых, – в противном случае, как говорили, придет кто-то страшный и утянет в свою нору или в лес, – вариантов много.

Детей пугают Бабаем, Хоком, сереньким волчком, который непременно должен ухватить несчастного ребенка за бочок и утащить под ракитовый кусток. “Не помню, кажется, не пугали <...> только вот, когда мне пели: «прийдёёёёт серенький волчооок и укусиит за бочоооок» – пели, замечу, без злого умысла, а в качестве колыбельной, я, засыпая, все ждала, что кто-нибудь меня все ж-таки за тот самый бочок и цапнет”, – вспоминает Ирина (27 лет), инженер. Пугали запретом на прогулки, сдачей в интернат и в дальнейшей безрадостной перспективе – поступлением в ПТУ. К этому традиционному, но далеко не полному списку в последнее время прибавился пункт “запрет на компьютерные игры и просмотр приключений человека-паука или людей Икс”.

В подтверждение вышесказанного можно принести результаты форума, проведенного в Интернете 28 мая 2003 го-

да. Большинство участников форума вспоминает так называемого Бабая.

Дед Бабай – персонаж, действующий в пределах поселения от сумерек до утра. Низкорослый, в тулупе наизнанку, в мохнатой шапке и в валенках, сгорблен, зарос бородой, мохнатые брови, с горящими глазами, ходит с огромным мешком, куда собирает непослушных детей, которые не хотят спать. Вездесущий и может появляться во многих местах одновременно. Детей относит в Букало – огромную бездонную яму на краю земли. (Страшилка для детей от 2 до 3 лет – спасти может мама, если ребенок послушается и ляжет спать). 30-летняя Наталья пишет: “В моей памяти он навсегда остался в качестве ассоциации с татаро-монголом, который сидит по-турецки под кроватью, в узбекском цветном халате, лысый и с черными усами”. Тот же Бабай, но живущим в другом месте, присутствует и в воспоминаниях 28-летней Татьяны: “И меня Бабаем пугали... Только он жил у нас на кухне... в вентиляционной дырке за решеткой... Это потому, что я плохо ела”.

Здесь можно упомянуть также о типе “воспитательных” страшилок: это страшилки, если можно так выразиться, с положительной коннотацией. Их можно было бы назвать “испугалками”. Здесь основным инструментом служит действие, а не вербальный акт, а главная цель не запугать ребенка, а удивить его настолько, чтобы он забыл о своих капризах. Ольга (27 лет) рассказывает: “Рядом с нами когда-то

жила девочка, которая тоже плохо ела. Но ее не пугали, ее кормили следующим образом. Бабушка пряталась в ванну, периодически оттуда выскакивала, говорила: «Юленька (не помню, как девочку звали, пусть будет Юленька), ку-ку!» Юленька начинала хохотать неизвестно с какого перепугу, а ее мама тут же ловила момент, когда дите открывало рот, дабы похихотать, и запихивала в этот рот ложку с едой». Или другой забавный вариант: «А когда меня в детстве кормили, мой украинский дедушка начинал плясать гопака, а бабушка приносила в хату индюка живого... а мама с ложкой ловила момент, когда у ребенка от удивления отпадет челюсть» (Александр, 34 года).

Эти примеры иллюстрируют лишь один вид страшилок. Такого рода страшилки вспоминаются людьми примерно 30-летнего возраста. Но когда мы с аналогичным вопросом обратились к нашим родителям, то выяснилось, что для них в детстве основными страшилками были русские народные и авторские сказки. По воспоминаниям Марии (48 лет) для нее самым страшным моментом было попадание мухи в паутину (в произведении Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха»). Но большинство взрослых людей называли русские народные сказки из разряда волшебных с сюжетной линией, характерной для кумулятивных сказок.

Что такое кумуляция? Кумуляция – циклическое повторение и расширение сюжетных узлов – один из основных приёмов создания сказочного текста, присущий сказкам лю-

бого типа, поскольку кумуляцией является всякое утروение действия в волшебных или новеллистических сказках¹. В качестве примера можно привести сказку “Курочка” из сборника А. Н. Афанасьева “Народные русские сказки”:

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, ностро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: “Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, остро, костяно, мудрено! положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх па избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась”. Просвирня как услышала все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала? Она пересказала ему все горе; дьячок побежал па колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал².

¹ Подробно о приеме кумуляции см.: Амроян И. Ф. Типология цепевидных структур. Тольятти, 2000.

² Афанасьев Л. И. Народные русские сказки. Л., 1936. С. 110.

Смерть в такого рода сказках воспринимается детьми далеко не столь мрачно, как можно ожидать, поскольку в сказках смерть вещей, животных и стариков – “условна”. Кумулятивные сказки, как современные страшилки, примиряли детей традиционного общества с мыслью о неизбежности смерти и определяли их дальнейшее отношение к бренным вещам, к которым не стоит привязываться, и вечным ценностям. Разумеется, через сказки детям прививали такие необходимые для жизни качества, как трудолюбие, смелость, сметливость, чувство юмора (пусть иногда и черного).

Что касается черного юмора, то в современной детской культуре существуют так называемые рифмованные страшилки, например:

Дети на кухне играли в кухарку,
Папины уши ушли на поджарку.
У этой истории славный конец.
Из маминых ног классный был холодец.

Недолго мучилась старушка
В высоковольтных проводах.
Ее обугленную тушку
Догрызли ежики в кустах.

Девочки мирно в куклы играли,
В качестве куклы бабушку взяли.
Мерили платье – оно маловато:
Куклу под платье ровняли лопатой.

Рифмованные страшилки сочиняют как дети, так и взрослые. На первый взгляд эти четверостишия могут показаться слишком жестокими для детей, несмотря на то, что в качестве примеров были отобраны наиболее безобидные из них. Здесь отчетливо прослеживается воплощение вечного конфликта отцов и детей, так как основными героями этих страшилок являются маленький мальчик или маленькая девочка, которые противостоят взрослым, зачастую связанным с ними родственными узами:

Бабушка внучку очень любила,
Мину и постель ей она положила.
Ночью два мощных раздалися взрыва —
Внученька бабушку тоже любила.

Как же влияют такие ужасные истории на наших детей? Как ни странно, но психологи утверждают, что страхи нужны, что это — норма опасности, необходимая для развития интеллекта. Ощущение опасности подстегивает развитие интеллекта (только глупый человек ничего не боится). Страх не опасен, когда мы знаем, откуда он взялся и как от него спастись. Психологи считают, что “страшилки” детям только на пользу. Имеются в виду именно рассказы, а не сказки про Кощея Бессмертного, Змея Горыныча и подобных пугающих персонажей, которые современного ребенка могут только развлечь. Наших родителей эти сказки еще пугали,

современных детей они уже не впечатляют. Дело в том, что с помощью таких произведений дети побеждают свои страхи. Маленькие дети могут бояться темноты, пустых помещений, громких звуков, но со временем от таких страхов нужно избавляться. Когда дети читают (или слушают) книгу, они, представляя себе всех кошмарных действующих лиц соответственно со своими возможностями, могут контролировать степень страха. Герои страшных историй – обычные ребята, похожие на самих маленьких читателей, и это помогает ассоциировать себя с ними. Они как будто вместе проходят через все жуткие приключения, переживают все леденящие кровь события. А кончается все хорошо, так что ребенок побеждает всех неправильных персонажей и постепенно перестает бояться. Кроме того, страшилки помогают ребенку поверить в свои силы, в способность победить страх и даже посмеяться над ним. Это происходит потому, что читатель или слушатель сказок может сам определять количество страха, которое он способен “переварить” за определенное время. К тому же следить за развитием страшного сюжета можно в полной безопасности, например, лежа под одеялом на любимом диване. Героев сказки малыш может представить настолько ужасными, насколько захочет сам. В этом смысле теле- и киноужастики гораздо менее эффективны, чем страшные книжки. Очень важно! Главный герой должен быть ровесником и современником ребенка.

Нередко дети сами сочиняют страшилки. Вот пример од-

ной из таких. Ее рассказал 9-летний Толя: “Жил-был мальчик, и был он заколдован, что он по ночам превращался в волка. И обратно он мог расколдоваться, если его не испугают. Ему было лет десять. Заколдовал его такой же – когда-то жил. Он его заколдовал за то, что тот однажды шел как бы пасти телят и их потерял. И вот он так жил. Жил, жил, жил лет до тридцати. Он по ночам превращался в волка, выходил, по городу ходил и всех бандитов убивал – полезный волчок попался – и не бандитов тоже. Дальше он однажды того человека встретил, который его заколдовал. А тот ему сказал, что, если хочешь опять обратно расколдоваться, то он как бы должен там улететь на другую планету и там собрать редкое растение. И вот он тогда полетел и собрал это растение. И потом обратно, когда он пришел, он превратился в волка, и вот этот вот человек уже как бы не испугался, потому что он знал, что он его сам заколдовал. И тогда он расколдовался обратно”.

В этом тексте очень хорошо видно влияние современных комиксов и мультсериалов о различного рода суперменах и их противниках. Вместе с тем, здесь присутствуют и все элементы традиционной волшебной сказки: герой провинился, был заколдован, при этом было поставлено условие, при котором он “расколдуется”, получение задания и его успешное выполнение, счастливый конец: герой расколдован.

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что так называемые “страшилки”, “страшные истории” суще-

существовали, существуют, и будут существовать. Но для каждого поколения они свои. Кого-то пугали персонажи русских народных сказок, “герои” же нынешнего поколения – граф Дракула, Фредди Крюгер и подобные.

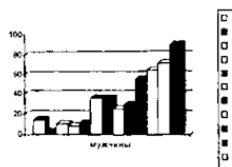
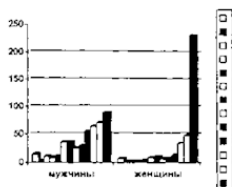
С.Б. Адоньева

Страх жизни: мужские и женские возрастные кризисы

Летом 1996 г. мы проводили полевое исследование в г. Белозерске. Как обычно, в нем наряду с преподавателями и студентами принимали участие наши коллеги – психологи, лингвисты, философы, антропологи. Каждая вечерняя трапеза заканчивалась обсуждением того, что было услышано и записано в интервью за день. Тема данной работы также возникла в результате обсуждений текущих интервью. Большая часть наших информантов – пожилые женщины. В их рассказах о жизни постоянно встречались упоминания о поминовении умерших родственников-мужчин – братьев, мужей, сыновей. Такие упоминания были столь часты, что возникло предположение о высокой мужской смертности в исследуемом нами районе. Это предположение послужило предметом небольшого статистического исследования, которое мы тогда же предприняли вместе с Ольгой Буфеллах, а позже – в 1999 г. – продолжили в Вашкинском районе Вологодской области, прибегнув к помощи студентов-фольклористов. В настоящем сообщении мы ограничимся использованием данных Белозерского района, поскольку они более репрезентативны: в Вашкинском районе была рассмотрена статистика

смертности за 2 года, в Белозерском – за 4 года.

Отдел статистики Белозерской районной администрации любезно предоставил нам все имеющиеся на этот счет данные, но оказалось, что возрастные показатели в общей статистике отсутствуют, общее же число мужских и женских смертей и рождений – приблизительно одинаково. И тогда мы решили посмотреть самостоятельно, как выглядит статистика смертности в отношении пола и возраста людей. За месяц нам удалось описать книги актов регистрации смерти по Белозерскому району с 1992 по 1996 гг. Приведем данные, отражающие статистику смертности по возрастам мужского и женского населения Белозерского района за рассмотренный нами период.

На диаграммах показано отношение смертности к полу и

возрасту. Горизонтальная шкала отражает возрастные показатели, вертикальная – количество случаев. Мужская смертность на отрезке от 0 до 55 лет имеет статистические пики по возрастной шкале на отметках 20–24 г., 29–33 г. и 30–34 г., и наибольший – 35–44 г. Женская смертность – на отметке 39–43 г.

возраст	мужчины	женщины
0-14	14	7
15-19	3	2
20-24	Г 10	2
25-29	8	2
30-34	11	4
35-39	36	8
40-44	36	10
45-49	25	6
50-54	29	6
55-59	55	12
60-64	64	34
65-69	71	47
70-	89	231

Ниже приведены выборочные данные, отражающие отношения между полом и некоторыми причинами смерти. Они были получены нами и систематизированы в соответствии с теми определениями, которые были указаны в книге записей актов ЗАГС Белозерского района.

	1	2	3	4	5	6	7
	суицид	онкологическое заболевание	травмы	отравления угарным газом	утопления	замерзания	отравления алкоголем
м	34	110	31	9	24	12	66
ж	5	62	4	3	3	1	19

Наибольшее количество суицидов приходится на возраст с 35 до 45 лет и у мужчин, и у женщин, но у мужчин их количество в семь раз выше, чем у женщин. На каждую женскую смерть от несчастного случая (п. 3–7) приходится 5 смертей мужчин. Таким образом, в возрасте наибольшей социальной активности мужчин умирает в четыре раза больше, чем женщин.

Пики смертности “до срока” и у мужчин, и у женщин приходятся на тот возраст, который в традиции был связан со сменой возрастного сценария поведения. Эти периоды в традиционной крестьянской культуре были отмечены возрастными ритуалами, оформлявшими переход от одного стереотипа поведения к другому, и, соответственно, позволяли иницируемому включаться в новое возрастное сообщество. Возрастные группы достаточно четко выделены в языке: женские возрастные этапы – “девка”, “молодка”, “баба”, “большуха”, “старуха-бабка”, мужские возрастные этапы – “парень”, “мужик”, “хозяин”, “сам”=“большак”, “старик-дед”³.

³ Подробнее о возрастных сценариях севернорусской крестьянской традиции

Выполнение ритуальных функций посвящения брали на себя определенные социальные институты. Путем вхождения во взрослый мужской возраст – статус “парня” – было проживание нескольких лет в “шатиях” и “ватагах” подростков, проводы в армию и возвращение из нее в родную деревню. Брак и появление детей включали мужчину в сообщество “мужиков”, которое выступало в качестве референтной группы, в отношении которой мужчина оценивал себя. Его принимали в артельные мужские работы, он участвовал в мужских собраниях и определял свой авторитет в этом взаимодействии. Возрастной кризис сорокалетия оформлялся посвящением в статус “хозяев”, “большаков”. Поведенческие ограничения, сопровождавшие каждый из этих возрастных переходов, традиция восполняла статусным ростом: утрачивая часть своей свободы, человек приобретал во власти и авторитете.

Нашей гипотезой, которая и послужила отправной точкой исследования, было предположение о том, что жизненные сбои, результатом которых служит ранний уход – по болезни, несчастному случаю, по собственной воле или по стечению обстоятельств, одной из своих причин имеют страх перед жизнью. Он появляется на тех этапах жизни, когда физический возраст требует изменения жизненного сценария.

Вместе с тем институты, которые поддерживали переход человека от одного сценария к другому, к концу XX в. в сельской России оказались в значительной своей части разрушенными. Пиками смертности отмечены в большей степени те возрасты, на которые и приходились утраченные ныне возрастные посвящения. У мужчин – разрушена традиция крестьянских сходов. Сход ранее объединял старших мужчин как властную группу и определял статус мужика-хозяина в общине. Утрачена традиция передачи “большины” – ритуала, посредством которого мужчина наделялся статусом “старшего” в семье-роде. Возрастная социализация женщин происходила внутри семьи. До настоящего времени институты брака и материнства и в городе, и в деревне сохранили свои посвящательные функции. Разрушение традиции женской “большины” коснулось в первую очередь городского женского населения. Позиция женского авторитета, в деревне сохраняющаяся в виде сообщества старших женщин-“большух”, определяет возрастной этап сорокалетия. Повышение показателей смертности у женщин приходится именно на тот период, когда в традиции женщина, утрачивая статус “плодной”, “бабы”, компенсировала эту утрату за счет получения статуса “большухи”. “Большуха” – хозяйка крестьянской усадьбы. Значительная часть хозяйства (огороды, скот, домашняя утварь, одежда и все, что связано с ее изготовлением, заготовка и запасы продуктов) находится под ее контролем, ей подчиняются все женщины семьи, дети

и неженатые молодые мужчины. В обществе в компетенцию “большух” входит контроль над поведением всех членов крестьянского сообщества, формирование общественного мнения и его публичное оглашение.

Статистические данные, как мы видим, коррелируют с данными этнографическими, а установление связи между социологическими и антропологическими методами исследования полевого материала позволяет увидеть динамику социально-этнографической реальности исследуемого региона. К изложенному можно добавить лишь то, что доступный нам статистический материал, демонстрирующий отношение между мужской и женской смертностью в конце XIX в. существенно отличается в своих показателях от того; который был получен нами. По данным Бессера и Баллода⁴, кривые смертности мужского и женского населения по возрастам различаются очень незначительно. Женская смертность чуть выше на возрастных точках от 20 до 40 лет, что соотносимо с детородным возрастом женщины и ее максимально зависимым положением: это годы от вступления в брак и до достижения статуса хозяйки в семье мужа.

Безусловно, все изложенные данные и соображения носят гипотетический характер, нуждаются в дальнейших исследованиях, анализе и проверке. Несомненно только то, что про-

⁴ Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1850–1891 гг. СПб., 1987. Цит. по: Энциклопедический словарь “Россия” / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1898. С. 90–91.

блема отношений психологических кризисов, возрастной социализации и этнографической практики, обеспечивающей посредством определенных традиционных институтов переживание этих кризисов, составляет предмет для общих усилий этнографов, социологов и психологов.

А. М. Арьева

Страх потери

Человеческую жизнь легко представить себе как череду обретений и утрат. Доказать, что это не так, практически невозможно. В то же время народная мудрость гласит: “Не знаешь, где найдешь, где потеряешь”. То есть коллективное бессознательное не может нащупать главную точку слома, утверждает, что ее вроде бы и не существует, у каждого свои заморочки.

Мы позволим себе усомниться в этом. Если очертить ту область бытия, где потери стыкуются с обретениями, можно кое-что яснее понять в человеческой психике и, может быть, если не помочь человеку не терять что-то, то объяснить, что он боится потерять и что часто теряет прежде всего.

Видимо, это не какие-то конкретные предметы, не деньги, не любимые вещицы и прочее в том же роде. Потеряв их, мы можем переживать, но изначального страха потерь подобных ценностей в нас не заложено. Скорее всего, этот страх связан с тем, что в психологии называют не просто “ценностями”, а “базовыми ценностями”.

На простых примерах из моей работы школьного психолога я попытаюсь обобщить некоторые конкретные наблюдения, связанные со страхом потери, страхом утраты чего-то

ценного у детей и их родителей. При всем индивидуальном различии в поведении и характере как тех, так и других стереотипы здесь слишком наглядны, вызваны достаточно стандартными отношениями внутри оппозиции “школа – семья”.

И дети, и родители подчас и сами доходят до причин, по которым их обуревают страхи, связанные с боязнью лишиться чего-то основополагающего в жизни. Но часто эти страхи объясняются поверхностными причинами, не то чтобы все неверными, но такими, которые все равно нуждаются в дальнейшем прояснении.

Скажем сразу: на наш взгляд, основной “базовой ценностью”, лишение которой в принципе изменяет жизнь ребенка и которую ему самому труднее всего объяснить, является любовь. Именно страх потери любви сверстников, преподавателей, родителей ведет к разного рода деструктивным процессам в психической жизни. И не только детей, но и преподавателей, и родителей.

Школьные отношения вообще проникнуты смутной тревогой, ожиданием и боязнью всяческих упреков и оскорблений. Внутренние запреты как результат этой тревожности возникают автоматически, и процесс их возникновения более чем нагляден.

Прежде всего, ребенок опасается потерять в школе чувство своей значительности, которую ему изначально гарантирует родительская любовь (о случаях, увы, не столь редких, когда она отсутствует, мы пока не говорим: нас инте-

ресует норма, а не отклонения от нее). Отношения между детьми построены так, что ребенку довольно легко представить себе, что он в чужих глазах ничего не значит. Когда он начинает убеждаться в этом, к нему приходит ощущение, что его как будто бы и вовсе нет. Никто с ним не играет, значит, – он никому не нужен, значит, – он никем не любим.

Подобный страх, можно сказать, идет за человеком по пятам, люди буквально привязываются к этому страху. Это и есть страх потери, страх потери любви. Вот типичные в этом отношении примеры из школьной жизни, списанные, что называется, “с натуры”.

Группа мальчишек договаривается на перемене сбегать за чипсами. Один из их одноклассников явно хочет присоединиться, но не решается, топчется рядом. Очень быстро, как только он приближается к ним, становится понятной причина его нерешительности: “Отвали, придурок... Навязался тут, козел...” Совершенно ясна причина изначальной нерешительности этого мальчика. Он уже опасался, что не совсем свой в компании, что с любовью к нему не относятся. Но страх еще не осознанной им самим потери этой любви (т. е. релевантных любви – симпатии, дружбы) заставляет его искать близости со своими сверстниками.

Или вот еще пример из области, так сказать, “лирических отношений”. Восьмиклассник спрашивает у меня:

– Правда ведь новенькая из 8-б – самая красивая в школе? Как бы мне с ней познакомиться?

- Да очень просто – возьми и подойди к ней...
- Не... Еще решит, что я придурок...
- Перестань, взгляни на себя, тебе ли опасаться?
- Не... Вдруг засмеет...

Мальчик этот, действительно, приятный, красивый, пользующийся успехом у девочек. Но вот этого успеха, этой всеобщей симпатии к нему он и опасается быть лишенным.

Дети чаще всего не осознают причины своих тревог и поэтому стремятся быть привязанными к чему-то и к кому-то, дабы обрести чувство защищенности, попросту – успокоиться.

Довольно часто страх потери выказывает себя в обуревающей ребенка (а потом и взрослого человека) робости. В данном случае люди испытывают страх потери чувства самооценности, когда у них страдает чувство собственного достоинства, жидущегося, прежде всего, на изначальной уверенности в любви родителей или тех, кто их заменяет волею судьбы. Робость, по мнению Карен Хорни, служит защитой от опасности подвергнуть себя риску отторжения, отверженности. “Страх отвержения, – пишет Хорни, – ведет к ряду внутренних запретов, относящихся к тому чувству, которое мы именуем «робостью»”. В связи с этим тоже можно привести достаточно типичные примеры.

Вот мальчик рассказывает о своей коллизии:

– Я хочу попросить родителей купить мне компьютер, да, боюсь, папа скажет: “За хорошую учебу”. А я боюсь, что год

закончу плохо. Тогда он не только не купит, а еще и накричит на меня. Мы поссоримся, и я совсем расстроюсь.

— А чего ты больше боишься поссориться или не получить компьютер?

— Ну, я вообще ссориться не люблю.

Ребенок больше, чем взрослый, опасается потерять чувство своей самооценности, особенно в школе, где вся его жизнь на виду. Любая осечка или неудача в осуществлении желания воспринимается детьми как унижение. Любой отказ автоматически содержит в себе долю унижения, а это приводит к перманентному ощущению ребенка в школе ничтожеством, в той или иной степени. Страх отверженности заставляет детей всячески избегать ситуаций, в которых они эту отверженность могут ощутить на себе.

Увы, родители подчас лишь умножают эти страхи.

Вот еще один вполне типичный рассказ школьника:

— Я хотел позаниматься на папином компьютере, но так и не решился попросить его об этом. Потому что, если у меня что-то не получается, он начинает кричать: “Не умеешь не лезь”.

— Так ты его попроси тебе помочь!

— Я раз так и сделал, но он сказал, что я сам должен думать. А если я такой глупый, то нечего мне к нему и лезть. Я и не подхожу теперь, чтобы он не думал, что я глупый.

Страх потери, закладываясь в детские и даже совсем в младенческие годы (вспомните у Мандельштама: “Еще оби-

ду тянет с блюда невыспавшееся дитя...”), не отпускает человека всю жизнь.

Вот бабушка в школьной раздевалке пытается пригласить вихры своего внука. Тот фырчит, раздраженно отворачивается. Понятно, что мальчик опасается прослыть “маменькиным сынком” и тем самым поколебать расположение к нему приятелей. Но и бабушка тоже ведет себя робко, неуверенно, словно опасается своего порыва, да так и не пытается его завершить. Она-то чего страшится? А все того же – потери расположения внука и, в конце концов, потери любви.

Вот мать одного из учеников рассказывает мне о непомерных амбициях ребенка. Сначала она купила ему вопреки собственному желанию и представлению о детской жизни мобильник. Купила не потому, что так любит сына, а потому, что опасается ссор с ним. Естественно, после этой вынужденной покупки отношения с сыном глаже не стали. Наоборот, он потребовал еще что-то, с ее точки зрения, не менее бессмысленное и дорогое. И вот мама не знает, как отразить очередную атаку сына. Понятно, почему она так боится с ним поссориться. Она боится утратить его любовь.

Вопрос этот очень важен и, кажется, давно уже выходит в человеческих отношениях на первый план. Совершенно обоснованно Эрих Фромм в работе “Искусство любви” пишет: “Для большинства людей проблема любви состоит не в том, чтобы любить, а в том, чтобы быть любимым”.

Все больше любовь окружающих осознается нами как

средство защиты от обуревающего современного человека комплекса неосознаваемых им самим разнообразных тревог.

Попробуем разобраться с ними на одном более сложном уровне и примере. Он касается уже психологии самих преподавателей, то есть тех, кто призван как-то сглаживать, если не новее устранять детские комплексы и, в первую очередь, их страхи потери собственной идентичности.

Я знаю одного из достаточно одаренных и эрудированных преподавателей, который, естественно, стремится набирать в свой класс умных и талантливых детей. Однако, вот странность: через какое-то время преподаватель от этих же детей – самых одаренных – начинает всякими путями избавляться. С одной стороны, объяснение этого феномена самим преподавателем совершенно понятно, а, с другой стороны, – совершенно не понятно. Дескать, своими спонтанными вопросами и репликами эти дети отвлекают внимание класса, мешают заниматься другим, в результате срывая его очень важные и содержательные (на самом деле – содержательные) уроки. Нависает постоянная угроза того, что материал не будет преподавателем правильно подан, а классом – правильно усвоен.

Но замечательны даже не эти доводы, а проговариваемое вскользь и лишь едва ощущаемое соображение: замечания и реплики ярких, неординарных учеников преподаватель воспринимает не как опасное нарушение классной дисциплины, а как вызов себе самому, как критику учениками его

собственных взглядов. Преподаватель не раз проговаривался, настаивая на удалении той или иной юной “звезды”: “Он все время пытается показать, что знает больше, чем я рассказываю!” Или: “Ему непременно нужно всунуть свои откуда-то выуженные сведения в мою программу!” Доходит и до совсем простых эмоций: “Я объясняю, а она начинает фыркать и пожимать плечами, будто бы го, что я говорю, – глупость”. Получается, что для этого преподавателя, знающего цену интеллекту и таланту, на самом деле нужны “удобные”, пусть рассеянные и невнимательные, зато тихие и послушные дети.

Каков же психологический механизм подобного рода поведения? Я не буду рассказывать о своих непосредственных наблюдениях, но вывод здесь совершенно определен. Претензии к одаренным ученикам маскируют и пытаются уничтожить собственную тревогу преподавателя, его страх потери авторитета. Невысказанный ход его рассуждений таков: “Из-за этих «гениев» еще подумают, что я недостаточно знаю материал, что я отстал от современного уровня понимания предмета, что я на самом деле ошибаюсь в его трактовке...” И как итог этих опасений: “Они меня не уважают”, – т. е. не любят.

Страх потери, в первую очередь страх потери любви, становится в конце концов всеохватывающим чувством, тем переживанием, которое замечательно выразила поэт Лия Владимирова:

Так, за потерей – потеря
Под завыванье пурги.
Верю я или не верю
Боже ты мой, помоги!

Для человека обращение к Господу есть обращение в последнюю инстанцию, которая в состоянии помочь преодолеть страх его неизбежных потерь. Все религии на том и основаны: страх потери любви преодолевается на путях обретения ее во всеблагое высшее существо. И не знающий Господа младенец так или иначе ищет этой всеобъемлющей защиты любви. И боится ее потерять.

Л. Г. Битов Дежа вю⁵

Рассказ “Дежа вю” Андрея Битова... Кто из них троих кого помнит? Название ли запоминает жанр? Жанр ли вспоминает автора? Автор ли окликает себя по имени?

“Петербург! Я еще не хочу умирать! У меня телефонов твоих номера...”

В 2-82-07... Первый номер, который я помню.

Таких номеров больше нет. В Ботаническом саду, что находится напротив дома, я видел пальму, обвитую почетной черно-желтой гвардейской лентой. На ней была табличка:

ПАЛЬМА ПОСЕВА 1937 ГОДА ПЕРЕЖИЛА
БЛОКАДУ

Это я

Мой отец родился сто лет назад. Когда ему было двенадцать, его отец получил звание потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга. Мой прапрадед по матери, отец Василий, был протоиереем Гатчинского собора. Моя прабабка (урожденная Орлова), быть может, коренная петербурженка со дня его основания. Оба моих деда, не сговариваясь, поженились на питерских немках.

Я родился 27 мая, в день рождения Петербурга, когда ему исполнилось 234 года.

⁵ Битов А. Дежа вю // Звезда. 2003. № 5. С. 3–8.

*Каждый человек на Земле – в единственном экземпляре.
Таких номеров больше нет.*

Привожу цитату тридцатилетней давности;

*“И как это я ничего не боюсь! Летать хотя бы... Обнаг-
лел... Какой-то защитной заслонки в сознании не хватает.
Ничего не боюсь, кроме, надо сказать, того, что со мной
обязательно произойдет. Вот другие люди... Когда я слы-
шу, как они обсуждают свои намерения и замыслы: купить
не купить, пойти не пойти, сказать не сказать, – прежде
всего, становится ясно, как они боятся предпринять то, о
чем говорят. Инстинктивный страх перед любым начина-
нием – признак нормального человека. Иногда я боюсь опоз-
дать – но тогда начинаю поспевать и успеваю; возможно,
еще немножко, и я стану бояться подниматься в воздух
– но никогда я не буду бояться самолета потому, что на
него можно опоздать. В этом моя ошибка, и в этом же мое
несчастье. Я создан начинать и не продолжать ничего – это
ли не бесстрашие? Толи дело люди— страх для них и есть
соблазн”.*

Номер – тот же.

*Усмешка какая-то новая случилась. Отдельная, сбоку,
как у чеширского кота. Поступил заказец, в принципе лиш-
ний, а я тут же согласился. Только эта вырвавшаяся вперед
оформленной мысли усмешечка и оказалась темой.*

Захотелось мне в ней разобраться.

Снится мне ночь... Я с двумя одноклассниками топчусь на набережной напротив школы. Утренняя, еще не морозная, но уже зимняя тьма. Нам надо перебраться через речку, еще более черную, чем тьма вокруг. Значит, Ленинград, значит, речка Фонтанка. Не помню, кто третий, может быть, Савельев, но другой, точно, был Логинов (один из прообразов будущего Митишатьева из будущего “Пушкинского дома”; кажется, он не так давно умер, как, впрочем, и другой его прообраз...). “Ну же!” – подталкивает меня Логинов. Почему-то это я должен лезть в воду первый, это даже не обсуждается. Вода почти под ногами, только через ограду набережной перелезть, как в окно... Вода подо мной, такая черная, еще чернее, чернее черного, и от этого, что ли, такая маленькая, как люк, как пресловутый квадрат Малевича, про который я еще ничего не знаю. “Мы же раньше вокруг обходили...” – мой довод не воспринимается, надо лезть в воду.

Я просыпаюсь. Через полвека, в Москве. За окном черно, там у меня Ленинградский вокзал. 13 ноября 2002 года. Я должен отправить вот этот ненаписанный текст Кафке не позже 15-го...

Выходит, я боюсь воды.

Не только школы и зимы, не только утренней тьмы... Когда я еду этим крошечным ленинградским утром в школу и переезжаю Неву, от Петропавловской крепости к Марсову полю, я не вижу этого самого, быть может, красивого петербургского вида, потому что мечтаю, как мой автобус летит с моста в воду. Это не страшно, а весело: все лучше, чем в школу...

Там, за окном школы, начинается рассветать к третьему уроку. Из окна видна Фонтанка. В ней плавают гондоны. Напротив дом, в котором живет мой сосед по парте Савельев, белокурая бестия, у него мать немка. Так мы сидим, полтора немца за одной партой, маемся до перемены.

Я пересказываю ему рассказ отца: до войны по набережной Фонтанки ходил троллейбус. Однажды он пробил ограду и упал в речку, утонул, только один уголок торчал из воды, как раз под окнами нашей будущей школы. В этом уголке, в единственном пузырьке воздуха спасся единственный человек, как ни странно, отцовская сослуживица. Спаслась, но умом тронулась. (Позднее выяснится, что это мать нашего одноклассника, сидящего за соседней партой; еще позднее окажется, что у нее с моим отцом был чуть ли не роман, во всяком случае, мать моя отца к ней ревновала.) Когда я выхожу из школы, мне, под плавающими гондонами, мерещит-

ся затонувший троллейбус.

Черный человек вхож не только к Моцарту или Есенину... Я не настолько гений, чтобы умирать от него. Черный человек – это тот, кто заказывает. Обещает заплатить, объявляет тебе (язык не соврет!) dead line. Не всегда черный человек приходит, иногда он звонит по телефону. Иногда он даже женщина.

Звонок разбудил меня в Берлине. Он был от Кафки. Но не от самого пока... Это так журнал называется, “Кафка”. Для Восточной Европы. Выходит, Россия к нее все-таки входит (моего английского хватает на такую шутку). Петербург, точно, входит (ее английского хватает меня парировать). Тема номера – ВОДА. Значит, для меня “Петербург и вода”. Тут-то и случилась упомянутая усмешечка. Дождь, снег, лед... Я мигом представляю себе свой милый и малый Аптекарский остров, отделенный от прочего мегаполиса речками Невкой и Карповкой... там начинается моя память, с блокады. Легко! Я уже опаздываю с двумя заказанными немцами текстами – так до троицы, до кучи! – я соглашаюсь.

Надо мной нависает текст, как козырек над подъездом. Такой подъезд – парадный, две ступеньки вниз, для перетаптывания, для отряхивания, для пережидания дождя. Сразу за ступенькой – лужа. Она пузырится. Если пузыри, значит, дождь надолго – такая народная примета. Не сразу рискнешь сойти по этим ступенькам на панель. Поднимешь воротник, перестегнешь пуговичку, забыл зонтик... Это уже и не лужа, а поток. Вода бежит по панели, перегоняя саму себя, из лужи в лужу, впадая в лужищу, которая, переполняясь, перебегает дорогу, сбегает по ступеням схода набережной в реку.

Значит я на родине, в Питере, в Ленинграде, в Петербурге. Река – Нева, она впадает в Маркизову лужу (Финский залив в питерском просторечии). Что лужа – понятно, потому что залив очень мелкий, но почему Маркизова? До сих пор не выяснил. Помню, когда чай был жидкий, приговаривали, что в нем Кронштадт видно. И действительно, в редкую погоду через Маркизову лужу виден Кронштадт.

Надо мной нависает текст, как питерское обложное, свинцовое небо. Скорей бы уж хлынуло!

Надо мной нависает текст, как судьба.

Значит, я боюсь текста.

Так ли уж я боюсь воды?

Я очень тяжело в нее вхожу. Даже в теплое море. Мой сердечный друг Юз Алешковский, наблюдая, как я это произвожу, прозвал меня “бздиловатый конь”, на него я не обиделся.

Обиделся я в другой раз, в Адриатическом море, купаясь с одной урожденной русалкой, когда она мне сказала, смеясь: “Да ты воды боишься!” А мне казалось, я довольно красиво плыву вольным стилем.

Как кочевник, не очень-то я люблю мыться. Опасаюсь лихорадки. Недавно я, наконец, обнаружил, что задыхаюсь, когда пью воду. Будто тону.

Я не верю ни во Фрейда, ни в реинкарнацию.

Сам я еще ни разу не тонул.

Когда увидел первого утопленника, то с перепугу залпом написал “Пушкинский дом”.

Там много воды. Не дай Бог, что и в переносном смысле тоже. Роман начинается с дождя и наводнения и кончается ледяным школьно-похмельным утром.

Говорят, раньше я писал лучше. Вот еще цитата из того времени: “Господи, господи! Что за город!.., какая холодная блестящая шутка! Непереносимо! Но я ему принадлежу... весь. Он никому уже не принадлежит, да и принадлежал ли?.. Сколько людей – и какие это были люди! – пыта-

лись приобщить его к себе, себя к нему – лишь раздвигали пропасть между ним и собою, к нему не приближаясь, лишь от себя удаляясь, разлучаясь с самим собой... Вот этот золотистый холод пробежал по спине – таков Петербург. Бледное серебряное небо, осеннее золото шпилей, червленая, старинная вода – тяжесть, которой придавлен за уголок, чтобы не улетел, легкий выпел грубого Петра. С детства... да, именно так представлял Петра! – как **тяжелую темноту воды под мостом** (выделено сейчас. – А.Б.). Золотой Петербург! Именно золотой – не серый, не голубой, не черный и не серебряный – зо-ло-той!..”

(Примечание к выделению... Тут у нас недавно потонул сухогруз, врезавшись в опору моста. Событие телевизионного масштаба! По ленинградским меркам, “Курск”... Опять героизм ликвидации аварии. Его сначала под водой резали, впервые в мире, по новым гениальным, специфически национальным технологиям... Зато, когда подымали первую отрезанную часть, плохо закрепили стропила, многотонная эта часть сорвалась и, качнувшись, как маятник, вдарила по Университетской набережной как раз супротив Медного всадника, там как раз толпа патриотически-любопытствующих глазела. Кажется, на этот раз без жертв.)

“Я спустился у сфинксов к воде. Было странно тихо, плыла Нева, а по небу неслись, как именно в сером Петербурге бывает, цветные, острые облака. Неслось – над, неслось – под, а я замер между сфинксами в безветрии и тишине – какое-то прощальное чувство... как в детстве, когда не знаешь, какой из поездов тронулся, твой или напротив. Или, может, Васильевский остров оторвался и уплыл?.. Раз уж сфинксы в Петербурге, чему удивляться? Им это было одинаково все равно: тем же взглядом смотрят они – как в пустыню... И впрямь: не росли ли до них в пустыне леса, не было ли под Петербургом болота?.. Станный Петербург – как сон... Будто его уже нет. Декорация... Нет, это не напротив – это мой поезд отходит”

Петербург двоится. В нем две воды. Одна вода – поверхность: ее – много, она – прекрасна, она разбивает город на прозрачные грани, в которых он и отражается, удваиваясь, играя в призрачность того и другого: отражение – реальнее. Другая вода – вертикальна, сверху и снизу, мутная ось загромождающей бури, готовой перебить все эти парадные зеркала. Кабы кто здесь знал, то есть в этом что-то от Гамбурга и Амстердама, но, чтобы не было им обидно, покруче, потому что оба вместе.

Петр про то и думал, их совмещая. Он не думал про вертикаль. Она пронзила город в ноябре 1725 года, разметав полгорода, пронзила до смерти и Петра, оставив нас кашлять и чихать, его проклиная.

В 1824 году наводнение повторилось.

Готовясь к двойному юбилею Пушкина и Гете (200 и 250), я сопоставил их именно в этом году.

Оказывается, не ведая друг о друге (Пушкин знал “Фауста” лишь в прозаическом пересказе мадам де Сталь), они занимались одним и тем же, и мировой царь поэтов в своем палаццо в Веймаре, и сосланный русским царем в деревню миру неведомый молодой русский поэт: оба дописывали “Фауста”, оба обсуждали смерть Байрона и петербургское наводнение, только мэтр – с Эккерманом, а ссыльный – с полуграмотной няней Ариной Родионовной...

Вот она, мировая литература! Эпицентр смерча.

Пушкин отнесся к наводнению легкомысленно:

“Что это у вас? Потоп? Ничто проклятому Петербургу! *Voila une belle occasion a vos dames de faire bidet*”, – пишет он другу, ревнуя столицу к своему насильному отсутствию.

Гете осуждает Петра:

– Местоположение Петербурга – непростительная ошибка, тем паче, что рядом находится небольшая возвышен-

ность, как что император мог бы уберечь город от любых наводнений, если бы построил его немного выше, а в низине оставил бы только гавань. Один старый моряк предостерегал его, наперед ему говорил, что население через каждые семьдесят лет будет гибнуть в разлившихся водах реки. Росло там и старое дерево, на котором оставляла явственные отметины высокая вода. Но все тщетно, император стоял на своем, а дерево повелел срубить, дабы оно не свидетельствовало против него.

И Пушкин тут же задумался:

“Потоп этот вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется...” В 1833 году он напишет “Медного всадника”, самое великое в мире произведение *про воду*, про Петербург и воду, самое великое свое произведение, где стихия, власть и судьба станут одним, совыются в поэтическом смерче, удержав человека на пенном гребне величия и безумия.

В 1924 году, еще через сто лет, уже при советской власти, великое наводнение повторится.

У Михаила Зощенко, каким-то образом тоже не бывшего очевидцем события, по этому поводу есть рассказец... как он прогуливается по нашему городу при хорошей погоде и настроении и отмечает праздным взором на одном из домов мемориальную доску: “уровень воды 1924 года”.

Уровень этот выше головы, и воображение рисует ему страшные картины тонущих людей и всплывших экипажей. Тут появляется дворник, бывший свидетелем наводнения, и

автор начинает расспрашивать его об этом ужасе. Дворник поясняет, что все было не так страшно: просто гуляки все время отрывали доску, и он приколотил ее повыше, чтобы прекратить хулиганство.

Не иначе как по той же логике, опасаясь 2024 года или мечтая превзойти Петра, советское начальство поддержало грандиозный по экологическому безумству проект дамбы, перегораживающей Финский залив. Советская власть. Советская власть пала, дамба оказалась недостроенной, зато нарушилась проточность вод и завелись дурные водоросли, отравляющие залив.

Вода, снег, лед, иней... пар, туман, морось, дождь, ливень... Если перечислить все состояния воды, то останется еще одно – Петербург. В нем есть пространство, но нет объема. Одни фасады и вода. Представить себе внутреннюю или заднюю часть дома бывает затруднительно. Живут ли там? И кто? Петербург населен литературным героем, а не человеком. Петербург – это текст, и ты часть его. Герой поэмы или романа. Тогда проспекты и улицы выглядят, как обмелевшие каналы. В затопленном состоянии они даже естественнее. Мокрый, лоснящийся ночной асфальт сойдет за воду. Мокрый Париж или подсохшая Венеция?

Другое дело лед. Можно было бы и так сказать...

Льда полметра. Но это – в квартире. Значит, не тридцать, а шестьдесят лет назад. Первое, что я помню. Лед – ведь это замерзшая вода? Тогда память – это замерзшее время.

Недавно обнаружили, что вода обладает памятью. Еще бы! Она ведь состоит из линз.

Увеличивает ли память?

Из единственной теплой комнаты, отапливаемой буржуйкой, в которой стремительно прогорает мебель и книги из комнат холодных, чтобы выйти, надо подняться на ступеньку вверх, ломом выколотую из льда. Воды нет. До нее километра два: мать привозит ее с Невки, из проруби.

Дорога тоже ледяная. Иногда по дороге чернеет мертвый труп замерзшего человека. На него никто не обращает внимания. Никто ни на кого не обращает внимания. Важно не поскользнуться, не опрокинуть ведро с водой, которое тащишь за собою на саночках... Однажды мать вернулась с водой, огорченная и радостная... Она отстояла очередь к проруби, сумела не поскользнуться, выбираясь на берег... и когда совсем уже добралась до дому, ведро таки опрокинулось. Как ее жалели! “Бедная, – говорили, – бедная!”

Пришлось возвращаться, повторять все сначала. Но это было уже ничто по сравнению с тем, как ее жалели. Никто никого тогда не жалел. Даже мертвых. Тем более живых.

Я смотрю с уважением на ведро воды: вот это вода!

Может, за это я люблю Рубцова:

Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Чувство!

Когда увеличиваю память, то вижу и еще... Вспышка памяти черно-белая, отпечаток с крупным зерном и подтеками, как мартовский, изгрызенный первой весной снег. По ледяному озеру колонна грузовиков, я в одном из них, весь укутанный и сжатый чужими телами. Поверх льда уже полметра воды. Я люблюсь тем, как от колес грузовика расходятся широкие и кривые брызги-волны, чувствую себя ка-

питаном на мостике корабля. Бомбят. Весело! Тут впереди идущий грузовик уходит носом под воду: вокруг снег, посреди черная дыра воды, крупные цифры на заднем, торчащем над водой борту...

Номера!

Наука все открывает и открывает что-нибудь новенькое про воду. Например, что вся вода в мире связана. По старинному русскому поверью, в ночь на Крещение вся вода становится святой. Ею крестили не только нас – в ней крестился Христос. В таком случае Петербург связан с миром не только как “окно в Европу” (достаточно мутное), по – водою. Которая все помнит, поскольку вся связана.

Запомнит ли меня вода?

Выходит, что я все-таки боюсь. Боюсь воды, боюсь текста. Текст – ведь это связь всех слов.

Я боюсь не только Фрейда и смерти.

Я боюсь. Я как люди. Я – живой. Я нормальный человек.

13, 19, 27. XI. 2002

А. О. Большев

Страх несвободы как основа “творческого” конфликта в произведениях В. Набокова

Моя работа посвящена роли страха в том инвариантном для набоковских текстов конфликте, который я буду именовать “творческим”, – он выражается в болезненно-невротической реакции одного героя, художника-творца, на другого. Чтобы разобраться в сути этого конфликта, обратимся к роману “Отчаяние”, где он реализован особенно отчетливо.

Главный герой романа Герман, подчеркнуто презентирующий себя в качестве замечательного писателя и, шире, художника-творца, крайне болезненно относится к литератору Достоевскому и к живописцу Ардалиону, кузену и любовнику своей жены. Германа мучает смутно осознаваемая им зависимость как от текстов великого романиста, так и от портрета, созданного Ардалионом.

“Достоевские” интонации сразу становятся ощутимыми в монологах набоковского героя-рассказчика. И порой (например, повествуя о своем разговоре с мнимым двойником Феликсом) Герман сам ловит себя на этом:

Так ли все это было? Верно ли следую

моей памяти, или же, выбившись из строя, своевольно пляшет мое перо? Что-то уж слишком литературен этот наш разговор, смахивает на знаменитые беседы в бутафорских кабаках имени Достоевского; еще немного, и появится “сударь”, даже в квадрате: “сударь-с” знакомый взволнованный говорок; “и уж непременно, непременно..<...>, а там и весь мистический гарнир нашего отечественного пинкертона. Меня некоторым образом мучит, то есть даже не мучит, а совсем, совсем сбивает с толку и, пожалуй, губит меня мысль, что я как-то слишком понадеялся па свое перо... Узнаете тон этой фразы? Вот именно. И еще мне кажется, что разговор-то наш помню. превосходно, со всеми его оттенками, и всю его подноготную (вот опять, – любимое слово нашего специалиста по душевным лихорадкам и аберрациям человеческого достоинства, “подноготная” и еще, пожалуй, курсивом). Да, помню этот разговор, но передать его в точности не могу, что-то мешает мне...⁶

Перед нами ряд последовательных попыток рассказчика дистанцироваться от Достоевского, от его стилистики, от его дискурса, но “достоевщина” преследует героя, как навязчивый кошмар, и гневно-иронические анти-достоевские инвективы принимают формы, знакомые именно по романам ненавистного классика. Ругая и осмеивая Достоевского, Герман фатально не способен выйти за рамки, очерченные

⁶ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. Т.3. М., 1990. С. 386. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страниц.

именно “специалистом по душевным лихорадкам”. Сообщая, что “слишком понадеялся на свое перо”, герой фактически расписывается не только в чисто литературной зависимости от Достоевского. Речь идет о гораздо более серьезном – об утрате личной самостоятельности и свободы. Именно страх несвободы становится главным регулятором поведения героя. Он с ужасом ощущает себя частью чужого дискурса – то “подпольным человеком”, то Раскольниковым. Допущенная Германом роковая ошибка с тростью – чисто “раскольниковская”: в соответствии с теорией Раскольникова, человек неизбежно оставляет на месте преступления улики, если, конечно, он “тварь дрожащая”, а не “право имеет”.

Интересно, что по сходной причине Герман опровергает бытие Бога. Вот главный аргумент, который приводит герой, не желающий допустить существования Всевышнего:

Если я не хозяин своей жизни, не деспот своего бытия, то никакая логика и ничьи экстазы не разубедят меня в невозможной глупости моего положения, – положения раба божьего, – даже не раба, а какой-то спички, которую зря зажигает и потом гасит любознательный ребенок гроза своих игрушек (3, 394).

Героя терзает страх несвободы – а потому Бог, в качестве высшего демиурга, верховного художника, отвергается. Герой не желает быть элементом созданного им текста. Включиться в чужой дискурс означает для него признать себя рабом или, выражаясь языком все того же Достоевского, “ве-

тошкой”.

Свободой в художественном мире Набокова наделен только художник-демиург. Есть автор, и есть созданные им персонажи-марионетки, свобода и самая жизнь которых фиктивны и иллюзорны. Третьего не дано. Главная борьба происходит у Набокова как раз между художниками-творцами, и самое страшное – оказаться внутри чужого текста, ощутить себя завершенным и лишенным собственной воли персонажем.

В этом плане экзистенциальное “отчаяние” набоковского Германа, ведущего борьбу за свою “самость” против ненавистного демиурга Достоевского, странным образом напоминает реакцию Макара Дежушкина на образ Башмачкина (в котором он узнал себя) из гоголевской “Шинели”. Я имею в виду прежде всего специфическую трактовку “бунта” этого героя против своей литературной завершенности, которую предложил М. Бахтин в книге о поэтике Достоевского: “Дежушкин увидел себя в образе героя «Шинели», так сказать, сплошь исчисленным, измененным и до конца определенным: вот ты весь здесь, и ничего в тебе больше нет, и сказать о тебе больше нечего. Он почувствовал себя безнадежно предрешенным и законченным, как бы умершим до смерти, и одновременно почувствовал и неправду такого подхода”⁷ Как известно, согласно концепции Бахтина, Достоевский совершил эстетический переворот, предоставив своим лите-

⁷ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 98.

ратурным героям невиданную прежде свободу. Известно и то, что Набоков всегда подчеркивал, что он полновластно распоряжается собственными персонажами, как “галерными рабами”. Можно осторожно предположить, что эрудит Набоков, готовя весной 1931 г. свой доклад о Достоевском и “достоевщине”, познакомился с бахтинской концепцией полифонического романа и очень своеобразно откликнулся на нее в тексте “Отчаяния”.

По аналогичной схеме строится и конфликт героя-рассказчика с Ардалионом. Ардалион долго и серьезно работает над портретом Германа, пытаясь запечатлеть неповторимо-индивидуальную специфику его личности. Очевидно, ему это удалось – не отсюда ли мистический, “гоголевский” страх, который внушает портрет Герману (“В столовой лампа освещала мой страшный портрет” (3, 371))? Становясь частью чужого текста, он утрачивает свободу. Свою прозаическую исповедь Герман создает именно как достойный ответ сопернику – он, в свою очередь, запечатлел-таки Ардалиона:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.